

Э. Л. МАЛИНОВСКАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БССР В 20—30-е гг. XX в.

Рассматриваются проблемы историографии интеллигенции, связанные с определением концепта интеллигенции, ее функций, состава, способности к решению проблем социального толка. Выявляются новые подходы, сложившиеся в конце XX — начале XXI в. Автор анализирует работы крупных зарубежных и отечественных исследователей.

In the article the author considers problems of historiography of intelligency connected with the concepts of intelligency, it's definition, functions, structure, abilities to the decision of problems of social sense reveals new approaches developed in the end of XX – beginning XXI centuries. The author analyzes the scientific researchers of foreign and national scientists.

Ключевые слова: БССР, 1920—1930-е гг., интеллигенция, советская система.

Keywords: Byelorussian SSR, 1920—1930-s., intellectuals, the Soviet system.

С начала XX в. накоплен большой исследовательский материал, посвященный различным аспектам изучения концепта интеллигенции как особого социального слоя, создающего идеологические матрицы общества и экстраполирующего данные конструкты посредством различных функций культуры в социокультурную среду, обуславливая, таким образом, возможность бытования общества как единого исторического пространства. В теоретическом и эмпирическом комплексе материала выделяются проблемы историографии изучения интеллигенции, связанные с определением концепта интеллигенции, ее функций, состава, способности к решению проблем социального толка. На сегодняшний день спектр подходов репрезентативно обозначен, поэтому целесообразно переосмыслить сложившиеся конструкции, рассмотреть динамику

исследований интеллигенции на основе сравнительного анализа существующих концепций, выявить условия изменения исследовательских ориентаций и т. д. Историографический анализ этих вопросов необходим для формирования теоретико-познавательных основ конкретно-исторического изучения интеллигенции.

Цель исследования — выявление подходов в изучении процесса формирования интеллигенции в 20—30-е гг. XX в. Эта проблема поднималась в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. Среди них можно выделить Т. Вихавайнена [1], С. В. Волкова [2], В. С. Меметова [3].

Белорусский исследователь В. Л. Носевич, рассматривая самоорганизацию сложных неравновесных систем и выявляя сходство между человеческим обществом и физическим миром, указывает на общество как систему непрерывного обмена веществом и энергией с внешней средой. «По мере накопления внутренней энергии общество тоже переходит в неравновесное, неустойчивое состояние, которое разряжается скачкообразным переходом к более упорядоченной структуре. Появляются новые компоненты (управленческая и культурная элита, учреждения образования, армия и т. д.), поддержание которых возможно только за счет непрерывных энергозатрат» [4, с. 310]. Таким образом, формирование советской интеллигенции в 20—30-е гг. XX в. в Беларуси являлось составной частью скачкообразной трансформации всех форм социальной жизни, структуры и общественных отношений, что обусловило осмысление интеллигенции как определенного слоя советского общества.

Интеллигенция или интеллектуалы (дефиниция более популярная на Западе) как особое социальное образование изучались в работах крупных зарубежных социологов А. Грамши, К. Мангейма, Р. Арона и др. [5; 6]. К. Мангейм, рассматривая интеллигенцию, делал акцент на различных формах мышления социальных групп, что способствовало появлению интерпретаций мира, присущих данной группе. В каждом обществе есть социальные группы, создающие для общества новые смысловые матрицы, парадигмы. Эти группы он называет интеллигенцией. «Мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию» [5, с. 48]. Два вида социальной мобильности, горизонтальная и вертикальная, действуют различным образом, способствуя обнаружению многообразия стилей мышления. Возникающая на этом этапе коммуникация характеризуется появлением в сознании противо-

речивых концепций мира. При достижении определенной стадии демократизации методы мышления и идеи низших слоев могут быть противопоставлены идеям господствующего слоя, и тогда эти идеи и формы мышления могут заставить человека, мыслящего в их рамках, подвергнуть фундаментальному переосмыслению объекты своего мира [5, с. 44]. Так, в 20—30-е гг. XX в. в новых политических условиях в Беларуси стали формироваться новые стили мышления, детерминирующие появление советской интеллигенции. Советская система создавала новую базисную систему ценностей для своей интеллигенции, в рамках которой проходил процесс идентификации, сопричастности с обществом. Эта система ценностей была призвана обеспечить функционирование, стабилизацию и гомогенность формирующегося советского общества.

Возникает вопрос и о границах термина «интеллигент», о существовании критерия, с помощью которого можно было бы сформулировать дефиницию для разнообразных видов интеллектуальной деятельности и выяснить, в чем состоит отличие видов деятельности разных социальных групп. По мнению А. Грамши, наиболее распространенная методическая ошибка состоит в том, «что этот критерий ищут в самих разновидностях интеллектуальной деятельности, а не в системе тех отношений (и следовательно, групп, где они воплощены), которые связывают интеллектуальную деятельность человека с комплексом общественных отношений» [6, с. 14]. Специфика интеллигенции, таким образом, заключается в выполнении в обществе социальной функции интеллигентов. По мнению А. Грамши, «современный исторический процесс порождает многообразие форм различных категорий интеллигенции».

В зарубежной литературе выделяются исследования, в которых интеллигенция рассматривается с функциональных позиций, т. е. способности поддерживать существование нации. В рамках теории наций Э. Геллнера интеграционные процессы в сообществе людей характеризуются фактором политической воли. Без воли к единству, объединению нация может и не состояться. Носителем этой воли является национальная интеллигенция, элита общества, обосновывающая необходимость этого объединения. Базой для нее являются события национальной истории, общность культуры и близость языка [7, с. 139]. Если для Э. Геллнера события национальной истории служат базой для национального объединения, то для Дж. Бруили интеллигенция выступает как группа, способная создавать национальные мифы и идеологию [8, с. 45]. М. Вальденберг, проводя сравнительный анализ развития национальных движений в Центрально-Восточной Европе, затрагивает и

интеллигенцию как один из критериев интенсивности развития этноса. Причины отставания белорусского этноса он связывает, в том числе, и с малочисленностью белорусской интеллигенции [9, с. 49]. С такими выводами соглашается Я. Грицак. Сопоставляя структурно соотношения социоэтнической украинской и белорусской ситуаций, автор отмечает недостаточную развитость белорусской интеллигенции как фактор, не позволивший создать белорусам национальных общин [10, с. 29].

В белорусской историографии можно выделить определенные периоды (1920—1930-е; 1940—1980-е; 1990-е — начало XXI в.) осмысления формирования советской интеллигенции в 1920—1930-е гг. как социокультурного феномена. Справедливо отмечено А. Г. Кохановским и О. А. Яновским принципиальное различие содержательного наполнения дефиниций «белорусская интеллигенция» и «интеллигенция Беларуси». Если в первом случае речь идет об этнически белорусской интеллигенции, то во втором — об интеллигенции, связанной с территорией Беларуси духовно, творчески, происхождением [11, с. 48.].

Важным теоретическим вопросом в 1920—1930-х гг. было осмысление конструирования советского варианта толерантности в среде вновь создаваемой интеллигенции. «Советская толерантность» обеспечивала лояльность интеллектуалов и недопущение оппозиционности со стороны их слоя. Поэтому было необходимо создать систему кодов и символов среди советской интеллигенции, не уничтожая прежнюю систему, а модифицируя ее. Советская интеллигенция позиционировалась прежде всего обслуживающей прослойкой, тем самым нивелировались ее статусные характеристики и одна из ее главных функций — социообразующая. А при массовом характере интеллигенции еще и приобреталась возможность замены оппозиционной ее части. Однако для белорусской среды, где долгое время доминировал концепт «тутэйшыя», советский вариант строительства белорусскости имел свои позитивные тенденции, так как закреплялся в политическом смысле концепт «белорусы». Это отмечали П. Терешкович и И. Чаквин [12, с. 476].

В белорусской культурной среде определение функциональных предназначений национальной элиты общества наиболее структурировано формировалось в XIX в., начиная с деятельности белорусских народников и издателей журнала «Гоман», которые видели предназначение интеллигенции в генерации и распространении национальных идей, что в целом укладывалось в общеевропейский исторический контекст формирования наций. Схожие идеи выражали и М. Богданович, и К. Каганец. М. Богданович также отмечал основные задачи интеллигенции,

«национальное самоопределение не может развиваться в народе без помощи собственной интеллигенции». Согласно его взглядам она начала «отслаиваться» только после 1905 г. [13, с. 199].

Теоретико-методологические взгляды исследователей белорусской интеллигенции 1920-х гг. выражали тенденцию, направленную на поиск и распространение национальной идентичности посредством ретрансляции национально образующих идей в массы и отмечали формирование новой советской белорусской интеллигенции. Согласно концепции развития национальных культур И. Сталина в мае 1925 г.: пролетарская по своему содержанию, национальная по форме – такая общечеловеческая культура, к которой идет социализм [14, с. 81]. Один из представителей интеллигенции 20-х гг. XX в. И. Дворчанин, методологически перекликаясь с Грамши, говорил, что интеллигенция не составляет отдельного социального класса, а в силу внешних обстоятельств интеллигенты становятся представителями того или иного класса, проводниками его идеологии. Автор не отрицал присутствия общих черт интеллигенции как отделенного социального образования, с одной стороны, нацеленных на духовное воспроизводство социума, с другой стороны, на решение онтологических, метафизических проблем [15, с. 97].

Публицист начала XX в. И. Канчевский, опубликовавший философско-историческое эссе «Адвечным шляхам», затрагивал проблему влияния на белорусскую интеллигенцию ее существования на стыке Запада и Востока [16].

Доклад на съезде минского партийного актива 1925 г. первого секретаря ЦК КПБ А. И. Криницкого положил начало рассмотрению проблем интеллигенции большевиками с целью подчинения ее партийному руководству. Одной из основных идей доклада была задача дифференциации интеллигенции на группы в зависимости от лояльности или враждебности ее к коммунистической идеологии: «интеллигенция низшая, близкая к партии и рабочему классу», «пассивно не определившаяся», за которую ведется борьба, «враждебная верхушка» с националистическими настроениями. Влияние этой части интеллигенции, большинство которой сконцентрировалось в Инбелкульте, учреждениях народного образования БССР, Криницкий считал в условиях Беларуси «наиболее небезопасным» и призывал развернуть с ними борьбу. Официальным курсом с того времени стала дифференциация интеллигенции, противопоставление одной ее части другой. Это сопровождалось чистками научных, учебных, культурно-просветительских учреждений от лиц, деятельность которых признавалась вредительской [14, с. 26].

Один из выдающихся деятелей белорусской науки 1920-х гг. В. И. Пичета, осмысливая роль интеллигенции в период становления советской системы, полагал, что она является духовным представителем тех или иных общественных групп или классов. Язык народа развивается и обогащается в процессе национально-культурного развития, талантами и дарованиями интеллигенции, а наличие большого количества духовных вождей является фундаментом для трансформации общества [17, с. 12]. Говоря о социальном составе интеллигенции, ученый делает акцент на том, что белорусское национально-культурное движение «естественно пошло из деревни». При этом можно наблюдать активный феномен вертикальной мобильности народа, выходцы из которого, согласно В. И. Пичете, становятся «представителями подлинной народной интеллигенции». Анализируя национальный состав интеллигенции, и в частности городскую элиту, автор показал, «что белорусское движение слабо касалось города, так как там было немало русского, польского и еврейского населения. Городская интеллигенция была либо русской, либо польской и поэтому не хотела принять участие в национально-культурном возрождении и отнеслась к нему с обыкновенным недружелюбием» [17, с. 18]. Таким образом, исследователь отмечал традиции страны, создавшие из городской интеллигенции «воинствующих противников белорусского национально-культурного движения» [17, с. 19]. Понимание и определение сущности интеллигенции волновало и советского философа С. Вольфсона, который говорил, что «интеллигенция представляет собой междуклассовую промежуточную между пролетариатом и мелкой буржуазией группировку, существующую путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии» [18, с. 27].

В 1930-е гг. предприняты попытки анализа формирования советской белорусской интеллигенции. Они исходят прежде всего из изменений политических ориентиров высшего руководства, выраженных в ужесточении политических механизмов советского общества. Партийно-государственный аппарат в конце 1920-х гг. сделал ставку на борьбу с белорусским национал-демократизмом, с национально настроенной частью белорусской интеллигенции. Осенью 1920 г. был создан государственный орган — Главполитпросвет БССР, в ведение которого перешла система политического просвещения населения [14, с. 36]. Это обстоятельство, в свою очередь, абсолютизировало роль партии в создании новой элиты, что нашло отражение в теоретических работах этого этапа. Таких позиций придерживался С. Я. Вольфсон, рассматривая культурную революцию в Беларуси. Он говорил, что Советская Бела-

реть является одним из образцов того, как СССР вывел национальности на социалистический путь. С. Я. Вольфсон показал, что одной из функций интеллигенции является хранение духовных ценностей, прежде всего в архивах, библиотеках и музеях [18, с. 18].

Комплексное исследование истории формирования интеллигенции в БССР началось в 1950–1960-х гг. Вопросы создания новой, народной интеллигенции затрагивались в работах Н. С. Шавельской [19], С. В. Марцелева [20], П. П. Силиванчика [21], в коллективном исследовании нации в институте философии АН БССР [22]. В 1970–1980-х гг. выходят работа Н. В. Василевской [23], коллективный труд Института философии АН БССР [24]. В работах этого периода наблюдаются общие тенденции в теоретическом осмыслении интеллигенции, которые связаны прежде всего доминированием классово-формационного подхода, в котором абсолютизировалась политика партии в области генерации новой и эволюции «старой» интеллигенции; преобладали упрощенно-схематизированные оценки внутренней структуры интеллигенции. До конца 1980-х гг. теория интеллигенции и методология ее изучения разрабатывались в русле марксистско-ленинской парадигмы научного знания, что сокращало спектр интерпретаций.

В 90-е г. XX в. — начале XXI в. в исследованиях о советской интеллигенции намечаются новые подходы, привлекаются новые источники.

На современном этапе в белорусской историографии поднимаются проблемы, связанные с выявлением состава белорусской интеллигенции и ее функциональных возможностей, дееспособности в период становления советского общества, проблемы идентичности интеллигенции, вопросы использования национальной политики. Российские исследователи обратились к изучению интеллигенции с позиции синергетики и теории хаоса как самоорганизующейся субстанции. Основопологающий тезис синергетики заключается в том, что на всех уровнях структурной организации бытия именно неравновесность выступает условием и источником возникновения «порядка». Это прослеживается в работах А. В. Квакина [25].

Таким образом, можно выявить проблемное поле и определенные тенденции в трудах различных авторов. В зарубежных исследованиях поднимаются вопросы дефиниции «интеллигенции» и ее социальных функций (А. Грамши), изучаются формы мышления социальных групп (К. Мангейм).

В белорусской историографии выделяются этапы в изучении интеллигенции, связанные с развитием и изменением политической систе-

мы государства. В 1920-х гг. в исследованиях отмечается формирование национальной идентичности и ее экстраполяция в массы посредством национально образующих идей, показывается формирование новой белорусской интеллигенции и начинается ее изучение представителями самой же интеллигенцией того времени. Членами партийного руководства было положено начало дифференциации интеллигенции на группы в зависимости от лояльности или враждебности.

В 1950—1960-х гг. появляются комплексные работы по истории формирования интеллигенции в БССР. Но до начала 1990-х гг. сохраняется тенденция доминирования классово-формационного подхода. Марксистско-ленинская парадигма научного знания методологически абсолютизирует политику партии в области теоретических проблем интеллигенции, что значительно сокращает спектр исследований.

Новые подходы в изучении советской интеллигенции намечаются в 90-е гг. XX в. — начале XXI в.: выявляется состав белорусской интеллигенции и ее функциональная дееспособность в период становления советского общества, рассматриваются проблемы идентичности, моделирования национальной политики и др. В российских исследованиях обратились к изучению интеллигенции с позиции синергетики и теории хаоса. Таким образом, подходы характеризуются либерализацией, полифоничностью исторической мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вихавайнен Т.* Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / пер. с англ. Е. Герасимовой и С. Чуйкиной. СПб. : Издательский дом «Коло», 2004. 416 с.
2. *Волков С. В.* Интеллектуальный слой в советском обществе. М. : ИНИОН РАН, 1999. 250 с.
3. *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—25.
4. *Носевич В. Л.* Законы самоорганизации общества — последняя надежда на его выживание // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15—16 апр. 2004 г. / редкол. : В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2004. 343 с.
5. *Мангейм К.* Очерки социологии знания (теория познания — мировоззрение — историзм). М. : Юрист, 1998. 349 с.
6. *Граммши А.* Избранные произведения : в 3 т. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957. Т. 1: Тюремные тетради. 309 с.
7. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
8. *Breuilly J.* Nationalism and the state. Manchester University Press, 1993. 474 p.

9. *Waldenberg M.* Kwestie narodowe w Europie Srodkowo-Wshodnej. Dzieje. Idee. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 420 s.

10. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX—XX стол. Київ : Генеза, 2000. 196 с.

11. *Кохановский А. Г., Яновский О. А.* Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов: история, традиции и задачи историографии // Интеллигенция и мир. Ивановский гос. ун-т; под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. № 2. С. 48—76.

12. *Терешкович П. В., Чаквин И. В.* Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV — начало XX в.) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 42—54.

13. *Багдановіч М.* Збор твораў : у 2 т. Мінск : Навука і тэхніка, 1968. Т. 2: Проза, літаратурна-крытычныя і публіцыстычныя матэрыялы, пісьмы. 575 с.

14. Памяць: Мінск: гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі: у 4 кн. /укл.: А. А. Ляўшэвіч, В. С. Семянюк; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. Мінск : БелТА, 2001—2005. Кн. 3. 2004. 736 с.

15. *Дварчанін І.* Хрэстаматыя новай беларускай літаратуры (ад 1905 года) : для старэйшых класаў беларускіх сярэдніх школ. Вільня : Беларускае выдавецкае таварыства, 1927. 495 с.

16. *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 43 с.

17. *Пичета В. И.* Белорусский язык как фактор национально-культурный. Минск : Навука і тэхніка, 1991. 33 с.

18. *Вольфсон С. Я.* Интеллигенция как социально-экономическая категория. М.; Л. : Гос. изд-во, тип. им. Н. Бухарина в Л., 1926. 61 с.

19. *Шавельская Н. С.* Народная інтэлігенцыя Беларусі. Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1959. 70 с.

20. *Марцэлеў С. В.* Печать Советской Белоруссии: ист. очерк. Минск : Беларусь, 1967. 511 с.

21. *Силиванчик П. П.* Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в республике 1919—1937 гг. / науч. ред. К. П. Буслов; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск : Изд-во Белгосуниверситета, 1961. 233 с.

22. Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі / Акад. навук БССР, Ін-т філасофіі; склад. : З. У. Доктарова [і інш.]; рэдкал. : П. Ф. Глебка [і інш.]; Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1958. 269 с.

23. *Василевская Н. В.* Формирование производственно-технической интеллигенции БССР. 1921—1941 гг. АН БССР, Ин-т истории; науч. ред. Е. И. Марченко. Минск : Навука і тэхніка, 1986. 157 с.

24. Структура советской интеллигенции: по материалам БССР / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права; редкол. : К. П. Буслов [и др.]. Минск : Навука і тэхніка, 1970. 218 с.

25. *Квакин А. В.* Современные подходы к изучению истории интеллигенции России // Проблемы методологии истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов : межвуз. сб. науч. тр.; отв. ред. В. С. Меметов. Иваново : ИВГУ, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://akvakin.narod.ru/Documents/podhod.doc>. Дата доступа: 10.09.2011.